

НОВЫЕ МАТЕРИАЛЫ ОБ А. Н. ОСТРОВСКОМ

Н. П. КАШИН

В Государственный литературный музей за последнее время поступили интересные неизданные материалы об А. Н. Островском. Прежде всего это черновая рукопись — автограф комедии «Доходное место», которая была когда-то драматургом подарена критику Е. Н. Эдельсону и хранилась у его наследников, оставаясь неизвестной для научного изучения. Далее богатое собрание бумаг А. Н. Островского поступило в Литературный музей от зятя драматурга, известного электрика, профессора М. А. Шателена. Они распадаются на три группы. Первая — разного рода бумаги и документы, собранные А. Н. Островским во время его литературной экспедиции по Волге. Вторая — его переводы, и третья — наиболее ценная — это черновики его записок по разного рода театральным вопросам.

Рукопись комедии «Доходное место» является единственной автографической рукописью названной комедии.

Материалы, собранные А. Н. Островским во время его путешествия по Волге, составляют целый том на 272 листах, который носит название: «Материалы, собранные в Тверской губернии, т. I». Они свидетельствуют о том, как добросовестно относился А. Н. Островский к своей задаче: у него, например, была составлена подробная программа для собрания статистических сведений по городу Твери. С другой стороны, они показывают, как широк был кругозор драматурга: он собирал сведения по истории нравов, по судоходству, по судостроению, по рыболовству, обращаясь за ними к специалистам и знатокам дела; он интересовался рабочими артелями, их заработком, бытом местных жителей, свадебными обычаями, языком.

Но, несомненно, наиболее ценный материал представляют записки драматурга по театральным вопросам.

Еще в конце 60-х годов А. Н. Островский стал собирать материал и работать над вопросами о драматической собственности, затрагивавшими его экономические интересы. Быть может, в результате этих работ явилась записка по этому вопросу «Главному управлению по делам печати», черновая рукопись которой датирована 9 октября 1869 г. Впоследствии эта рукопись была переделана и составила продолжение «Проекта законоположений о драматической собственности», также сохранившегося в черновой рукописи. Сюда же относится черновая «Записка об авторских правах драматических писателей» и наконец чистовая рукопись «Разбор положения 1827 года об авторском вознаграждении». Эти записки были составлены уже для дирекции императорских театров в мае 1871 г. Но только 13 ноября 1872 г. по высочайшему повелению «Положение 1827 г. о вознаграждении авторов» признано «несоответствующим потребностям времени», хотя на практике все оставалось по-старому и указанное «Положение» было в силе еще почти 10 лет.

10 августа 1881 г. А. Н. Островский писал своему приятелю Ф. А. Бурдину: «Я работаю день и ночь (но не над пьесой), я стараюсь выяснить и изложить театральное дело в России во всех отношениях и во всех подробностях». А в другом письме к нему же от 17 сентября того же года он более точно указывает, что цель его записки — «доказать необходимость частных театров и показать, какими они должны быть, чтобы русское драматическое искусство не гглохло». В результате этой работы драматурга явились его записки: 1) «Клубные сцены, частные театры и любительские

спектакли», 2) «О причинах упадка драматического театра в Москве и 3) «Записка о положении драматического искусства в России в настоящее время».

Красной нитью через все эти записки проходит мысль о вреде театральной монополии императорских театров.

Одной из самых интересных и ценных записок А. Н. Островского, поступивших в Литературный музей, является записка «По поводу проекта о премиях императорских театров за драматические произведения». Собственно говоря, этому проекту посвящены две статьи, из которых в первой драматург разбирает его в частности, по пунктам, а во второй считает «необходимым высказаться со всею откровенностью и вообще об этой мере». В этой второй записке А. Н. Островский высказывает предположение, что «дирекция считает причиной охлаждения публики к театру бедность репертуара и думает посредством обогащения его сильными и художественными произведениями увеличить интерес своих спектаклей и привлечь внимание публики». «Вот эту-то иллюзию — говорит он, — я и считаю своим долгом разрушить».

«Чтобы разыграть изящное драматическое произведение соразмерно его художественному достоинству, т. е. чтобы докончить и воплотить данные автором характеры и положения, возратить опять в жизнь извлеченные автором из жизни идеалы, труппа должна быть прежде всего слажена, сплочена, однородна». К такому совершенству, по его словам, была близка драматическая труппа московского Малого театра в 40-х, 50-х и 60-х годах. «Вся труппа составляла одну семью, гордую сознанием, что они единственные художники, настоящие мастера своего дела». Далее драматург дает резкий отзыв о современном ему состоянии трупп императорских театров в обеих столицах.

В высокой степени лестный отзыв дает А. Н. Островский об артистке Малого театра Е. Н. Васильевой. Зато очень резкий отзыв дан им о М. Г. Савиной, при которой «бессодержательные, тошлые комедии стали иметь значительный, а некоторые, как «В осадном положении» (В. А. Крылова), и очень большой успех: пошлый репертуар стал наводнять сцену и оттеснять репертуар серьезный, более приличный достоинству и образцовому значению императорского театра... «У меня и в мыслях нет сказать, — продолжает далее драматург, — что причиной падения петербургской сцены была симпатичная артистка г-жа Савина, — нет, падение началось до нее; она только своим пристрастием к слабым, бессодержательным пьесам не дает возможности тону исполнения на петербургской сцене подняться и держать его на той же высоте, на которой застала».

Вот отзыв драматурга о П. А. Стрепетовой, талант которой он очень высоко ценил. «Как природный талант, — это явление феноменальное, но сфера, в которой этот талант может проявиться с особенным блеском, чрезвычайно узка; и потому она, как гсворится, держать драмы не может. Болезненная, бедная физической силой, неправильно сложенная, она из сценических средств имеет только гибкий, послушный голос и дивной выразительности глаза. Она не имела школы, не видала образцов и молодость свою провела в провинции. При ее средствах ей доступны только те роли драматического репертуара, где не требуется ни красоты, ни грации, ни изящества или величественных манер; ее среда — женщины

низшего и среднего классов общества, ее пафос — простые, сильные страсти, ее торжество — проявление в женщине во всей полноте природных инстинктов, тех стихийных сил, которые в сильных, непосредственных натурах преобразуют весь организм и дают ему именно те формы звука и жеста, которые составляют полнейшее и, следовательно, изящнейшее выражение известного душевного движения, те формы, которые так жадно ловят истинные художники, с любовью подсматривающие природу, и которые так неогрениченно дороги всем ослепленным чувством изящного». «Стрепетова не усиливает петербургской труппы, не составляет с ней одного целого, она как будто лишняя, посторонняя, точно гостья, приехавшая на 5—6 спектаклей». Затем драматург указывает на то, что пьесы, в которых П. А. Стрепетова может показать лучшие стороны своего дарования, часто появляться не могут. А «пьесы, ставшие классическими, в русском репертуаре, исполнение которых главным образом и составило славу Стрепетовой, ставятся для нее с возмутительной небрежностью в декоративном и во всех отношениях».

Таким образом получается, по мнению А. Н. Островского, что обе первые актрисы не могут «служить своими способностями для единства и полноты петербургской труппы».

Из других материалов надо упомянуть еще записку «О наградных бенефисах», к которым Островский, понятно, относится отрицательно; далее его записку «Соображения об устройстве управления московскими императорскими театрами», представленную им Н. С. Петрову, очевидно, когда для него стало ясно или уже известно, что он будет привлечен к этому управлению; наконец, последнюю записку, представленную им еще раньше предшествующей: «Соображения и выводы по поводу мейнингенской труппы».

«Вот мой приговор мейнингенцам, — пишет Островский. — Игра их не представляет того полного, удовлетворяющего душу впечатления, какое получается от художественного произведения. То, что у них видели, не искусство, а умение, т. е. ремесло. Это не драмы Шекспира и Шиллера, а ряд живых картин из этих драм. Но все-таки во время спектакля впечатление получилось приятное и сильное; последней сценой 3 акта в «Юлии Цезаре», лагерем Валленштейна и пиром у Терского я был захвачен врасплох и увлечен». А. Н. Островский предостерегает однако против слепого подражания мейнингенцам. «Толку из этого для искусства, — говорит он, — не будет никакого, а расходы, и без того громадные, удвоятся. Прежде, чем расходовать огромные деньги на постановку пьес, нужно уметь играть их складно. Для этого дирекции следует восстановить старую, дешевую театральную школу, завести дельных распорядителей и режиссеров, тщательно репетировать пьесы и строго контролировать исполнение, тогда императорские театры непременно поднимутся и при обыкновенных, никого не поражающих, затратах. Лучше тратить небольшие деньги, да с пользой, чем большие, да без пользы. До этого вывода мы бы, пожалуй, без мейнингенской труппы и не дошли».

Трудно исчерпать все богатство содержания новых материалов об Островском, особенно его записок по театальному делу. Остается пожелать, чтобы Литературный музей постарался добиться того, чтобы хранящееся в нем литературное наследие великого драматурга как можно скорее увидело свет.